

ЛЮДИ ИСКУССТВА

Нередко мне доводилось слышать, что он мог бы пореже мелькать на теле- и киноэкране, так как зритель стал чуть ли не уставать от Джигарханяна, да и в театре он намного ярче, выразительнее, а к кино надо бы артисту относиться поизбирательнее. Не берусь судить о правомерности подобных мнений — не потому, что согласна или не согласна с ними хотя бы частично. Потому что воспринимаю искусство Армена Джигарханяна совершенно по-другому: я никогда не думала о том, «много» его или «мало», и никогда, начиная с фильма «Здравствуй, это я!», ставшего для большинства из нас знакомством с этим актером, не относилась к встречам с Джигарханяном как к «мельканию».

Мне кажется, что и на сцене, и на экране, и в живом общении Армен Джигарханян сохраняет некое единство индивидуальности, то, что принято называть зерном личности, — искусство собеседования. Определение это не мне принадлежит. В нескольких интервью Джигарханян сам говорил о том, что в основе любого жанра искусства лежит, по его мысли, собеседование, которое в конечном счете и выводит на путь истины.

Артем Манвелян из фильма «Здравствуй, это я!» и Левинсон из спектакля «Разгром», старый кузнец Мукуч («Треугольник») и Стенли («Трамвай «Желание»», мудрый Левон Погосян («Когда наступает сентябрь») и философ Сократ («Беседы с Сократом»), чекист Артузов («Операция «Трест») и император Нерон («Театр времен Нерона и Сенеки»), Варавка, человек с «насекомой фамилией» («Жизнь Клима Самгина») и Мендель Крик, испытавший на закате своей жизни поистине лировские страдания («Закат»)...

Казалось бы, что общего в столь разных, несхожих ни в чем героях, воплощенных Арменом Джигарханяном на сцене и экране? Все они, вобрав в себя не только актерскую индивидуальность, но, в первую очередь, черты личности Джигарханяна, одержимы подлинной страстью к собеседованию, к диалогу, без которого не мыслят своего существования. Даже немногословный жесткий Артузов. Даже всеильный император Нерон.

Вспомните кульминационные сцены спектаклей и фильмов с участием Джигарханяна. Как правило, это молчание. Когда недостает уже слов, когда они просто не нужны — мысль и чувство актера, сосредоточенные во взгляде ли, в жесте, активизируют наше, мое чувство, нашу, мою мысль. И рождается общение — высокое, очищенное от суеты, в равной степени необходимое обеим сторонам. Равную эту

Когда пишут о сдержанности и немногословности, о внутренней сосредоточенности и значительности персонажей Армена Джигарханяна, мне почему-то представляется, что суть героя подменяют либо «портретной» выразительностью актера, либо его собственными человеческими чертами. Разве таковы Сократ или Нерон, временами буквально захлебывающиеся в витиеватых, многословных излияниях? Разве однородны внутренняя сосредоточенность Левинсона, например, и Менделя Крика, Погосяна или Мукуча? В том и сила артиста, что всякий раз он «выбирает» иную сдержанность, иную внутреннюю сосредоточенность — всякий раз строго соответствующую природе конкретного времени и действия.

У каждого из нас, кроме общих проблем, говорил актер в одной из бесед, есть и чисто личные: у каждого свои болевые точки. Поэтому все мы и «припадаем к источнику» совершенно по-разному, вернее, в поисках разного.

Вот он, секрет биополя: мироощущение одного человека может не совпасть или не до конца совпасть с мироощущением другого, но каким счастьем становится долгожданное совпадение! А если оно не возникает, каждое общение означает ступеньку, веку на пути к общему, единящему.

СЧАСТЬЕ ОБЩЕНИЯ

степень мы и осознаем в первую очередь.

В кино — крупный план. На помощь актеру приходит техника. В театре становится очевидно, что помощь вовсе не обязательна. Секрет в ином. Армен Джигарханян называет это биополем общения.

В финале первого акта «Заката» — последней по времени театральной работе Джигарханяна — пространство сцены заливается густой синевой с редкими то ли звездами, то ли всполохами заката. И в этой высоте плывет дощатая кровать с обнаженной до пояса Марусей Холоденко и припавшим головой к ее груди коленопреклоненным Менделем. Стираются все реальные сценические очертания, и в беспредельном космосе существует лишь ложе юной девы, на которое взошел библейский царь Соломон. Шагаловские краски фона перелиты в шагаловский же колорит фигуры, облика старого, хотя и крепкого еще человека, чья жизнь стремительно движется к закату не просто физического существования, но духовного бытия.

А спустя несколько месяцев прочитала в рецензии А. Мацкина на рижский спектакль по Бабелю, что когда-то первый постановщик «Заката» в МХТ-П Борис Сушкевич говорил ему, как важно не упустить, не прослушать в пьесе тютчевскую линию последней любви. Может быть, подлинное искусство собеседования (широко его понимая) и в этом состоит: соединять времена и парадоксальным каким-то образом доносить именно то, что не удалось в давнем, сегодня уже забытом спектакле?

Для того чтобы оно, собеседование с целым залом, состоялось, надо, считает Джигарханян, быть постоянно готовым к восприятию. Нельзя ограничивать себя, потому что путь познания неразрывно связан с огромной затратой душевных сил.

Те, кто видел спектакль «Беседы с Сократом», вряд ли смогут забыть чуть лукавую по интонации, но искреннюю по сути готовность, с которой мудрец, изведавший мучительные терзания и сомнения, предлагал своим собеседникам: «Исследуем...» — и шел навстречу истине, не смущенный ни трудностью долгого пути, ни новыми не менее мучительными сомнениями. Мне кажется, не будет большим преувеличением сказать, что в этом слове воплотилось человеческое кредо Армена Джигарханяна: в каждой своей роли он предлагает нам вместе проделать путь, отмеренный его герою, вместе исследовать те глубины, что лежат в каждом из нас. Джигарханян ни в одной из своих работ не представлял перед нами поучающим сыска. Он всегда был и остается в первую очередь собеседником — внимательно слушающим, мгновенно реагирующим, страстно спорящим, острым, но ничего не ведающим заранее, готовым к поиску и сомнению.

Я всегда жду новых встреч с ним, ведь заране никогда неизвестно, что предложит нам исследовать на этот раз Армен Джигарханян.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

Фото А. Сизухина.